

НАША СТРАНА

Год издания — 38-ой. Буэнос Айрес, суббота 19 июля 1986

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 19 de julio de 1986 No. 1877

П. БОНДАРЕНКО

ЗЛОВЕЩИЙ АККОРД

Переименование (или "перемена деноминации") Карпатской Руси в "Карпатскую Украину" формально произошло актом одного человека в один один день: 15 марта 1939 года, униатским *монсиньором* Волошиным. Это был во многих отношениях особенный день. И этого одного единственного акта одного единственного человека в этот особенный день оказалось достаточно, для того чтобы все великие державы, как того времени, так и наших дней, а за ними и все остальные страны, раз и навсегда приняли, как будто бы окончательно, эту "перемену деноминации" за действительную, законную и даже — за всегда существовавшую.

Такая историческая проекция этого события наводит на предположение, что само оно было лишь кульминационным пунктом весьма продолжительных тенденций. Научно-объективное объяснение акта и его последствий с помощью раскрытия и уяснения этих тенденций, может явиться классическим образцом и примером того, как делается настоящая история.

События разворачивались следующим образом: 13 марта 1939 года, главарь словацких сепаратистов, *монсиньор* Тисо получил в Берлине директиву объявить независимость Словакии; 14 марта объявляется независимость Словакии; 15 марта 1939 года, *монсиньор* Волошин провозгласил "независимость Карпатскую Украину", и в тот же день бежал, спасаясь от вступивших в Карпатскую Русь венгров — сначала в Румынию, а затем в Югославию, в столицу Хорватии Загреб; в этот же день, то есть 15 марта, чехословацкий президент Гаха подписал в Берлине, после того как был подвержен грубым угрозам и даже особым вспрыскиваниям, акт об установлении германского протектората над Богемией и Моравией, то есть о фактической ликвидации Чехословакии. Все в тот же самый день, германские войска вступили на территорию Чехословакии. В марте же 1939 года, 23-го числа территория Мемеля присоединяется к *Третьему Рейху*, после того, как 21 марта Германия выставила требования Польше о присоединении Данцига.

Все эти мартовские "акты" сегодня полностью недействительны. Все, за исключением одного единственного: переименование Карпатской Руси в "Карпатскую Украину". Больше того, уже тогда, в самом марте 1939 года, все эти акты, опять же кроме "переименования" Карпатской Руси, были опротестованы великими державами. 17 марта английский и французский послы в Берлине вручили ноты протеста, в которых заявлялось, что их правительства не признают законности нового положения в Чехословакии. 18 марта Наркоминдел СССР, в ноте германскому правительству заявил, что советское правительство не видит никаких конституционных оснований, которые давали бы право

главе государства без согласия своего народа отменять его самостоятельное существование, как это сделал чехословацкий президент Гаха.

Однако, ни одна из этих "великих держав" ничего не сказала о незаконности и неправильности перемены названия автономной Карпатской Руси не только "без согласия своего народа", но и к тому же человеком не имевшим никаких законных прав на этой автономной территории. Назначение Волошина главой автономного карпаторусского правительства было во всех отношениях незаконным и недействительным: законный председатель автономного карпаторусского правительства Бродий был произвольно арестован чешским правительством и на его место был назначен, по требованию Германии, украинский самостийник, униатский *монсиньор* Волошин. К тому же автономия Карпатской Руси была гарантирована сен-жерменским договором 10 сентября 1919 года, подписанного великими державами и самой Чехословацкой Республикой, в конституцию которой эта автономия и была вписана.

Однако, все это, как уже сказано, было нарушено одним человеком: и сен-жерменский договор, и конституция Чехословакии, и народная воля русского большинства на Карпатской Руси. Причем этот человек, который единолично все нарушил, был назначен генералом Сыровым (занимавшим место премьер-министра Чехословакии и место убежавшего в Англию президента Бенеша); для этого, Сыровый сперва арестовал Бродия, законного главу автономного правительства Карпатской Руси. Это был все тот же генерал Сыровый, который лет двадцать до этого арестовал, также незаконно и также подло, адмирала Колчака. Арест Бродия, Сыровый потом оправдывал "требованиями немецкого правительства".

Весьма знаменательно, что самозванный "акт" этого назначенного Сыровым, по требованию Гитлера, *монсиньора*, совершенный им в самый день его бегства, оказался вполне достаточным для исчезновения слова "Русь" с Карпат. Наглядной иллюстрацией и свидетельством такой неожиданной и необъяснимой "деноминационной перемены" может послужить 53-я страница 3-го тома советской "Истории дипломатии" (ОГИЗ, 1945). В первой строчке говорится о "включении Карпатской Руси в состав Чехословакии", на основании договора 4 июня 1920 года в Трианоне, но уже в четвертой строчке снизу говорится о "Закарпатской Украине". Между этими двумя строчками нет никаких объяснений такой мутации. Между ними, только Сыровый, Гитлер и Волошин. И, присоединившийся "де факто" к ним, Сталин.

Чем можно объяснить такой диалектический скачок, когда в один день, одним человеком была изнасилована тысячелетняя история, при

молчании, попустительстве и фактической солидарности всех сильных мира сего?

Поиски такого объяснения возможны только лишь путем строгой логики и анализа основных элементов самого скачка. Во-первых, полное ничтожество самого актера и его последующее падение в историческое небытие свидетельствуют о том, что он был всего лишь марионеткой, случайно подвернувшейся в этот день, на этом месте. Значит, есть другие, действительные исторические актеры этого акта. Их и нужно установить. Может быть это и есть все те же самые "сильные мира сего", которые так спонтанно "взяли на вооружение" и "сделали своим" этот акт, и по сегодняшнему дню? Во-вторых, наряду с субъектом, необходимо обратить внимание и на объект этого акта. Объект, или предмет весьма простой: уничтожение слова и символа *Русь*, пока что в одном только месте, по видимому с надеждой, что каббалистическим уничтожением одного слова, будет уничтожено и все то, что за этим словом стоит. Со времени древнего Египта, и вообще с ветхозаветных дней, это кажется второй случай такого "уничтожения" имени. Первым было уничтожение государственного имени Россия в 1920 году. После этого, Гитлер тоже попытался заменить имя нашего народа и нашей культуры зловещим "Ostland". И, наконец, четвертым примером такого уничтожения имени, был указ союзников-победителей в 1945 году, об уничтожении имени Пруссии. Так вот, слово и понятие *Русь*, как предмет диалектического скачка совершенного 15 марта 1939 года, и было тем объединяющим началом, которое вызвало и привело к конвергенции всех настоящих исторических актеров этого акта, помимо самого подставного статиста.

Однако, по марксистскому учению, всякий скачок — это "коренное, качественное изменение предмета или явления, превращение старого качества в новое в результате количественных изменений". (Философский словарь. Москва, Политиздат, 1975. Стр. 367). Обзор накопления этих "количественных изменений" в обратном порядке, то есть от конца к началу, можно свести к следующему:

В 1938 году, из восьми депутатов и сенаторов, представлявших Карпатскую Русь в пражском парламенте, семь были русскими и только один считал себя *украинцем*. Но он не собрал достаточно голосов, чтобы быть избранным, так как он, будучи кандидатом чешской социал-демократической партии, получил вместе с сионистским кандидатом всего 29.000 голосов, когда нужно было набрать 34.000. При втором подсчете голосов, эта партия использовала остатки своих голосов в чешских краях.

"Будучи врагами России и боясь возрождения русского государства,

Масарик и Бенеш оказывали украинским сепаратистам огромную всестороннюю материальную и моральную помощь" (Михаил Прокоп, в труде "Пути истории". Издательство "Карпаторусского Литературного Общества", Нью Йорк, 1979. Стр. 264. Дальше, все ссылки на этот же труд). В частности, так называемое демократическое правительство Чехословакии запрещало употребление русского языка в школах Карпатской Руси. В 1937 году министр школ и народного просвещения Крейчи устроил всенародный опрос о том, какой язык нужно употреблять в школах: "малорусьский язык или великорусьский язык". Несмотря на жульничество со словами "малорусьский" и "великорусьский", 86 процентов голосовало за "великорусьский язык", "подчиняясь тысячелетнему чувству единства всего русского народа". (стр. 269).

Школьное дело в Карпатской Руси находилось в руках чехословацких социал-демократов. Кроме того, чешская коммунистическая партия в Карпатской Руси поддерживала "украинизацию" и "украинское движение", также как и униатская церковь из Галичины. (стр. 120,121). В Ужгороде чешское правительство поддерживало две церковные учительские семинарии при униатской епархии, в которых — "по приказанию из Рима" — был введен украинский язык для обучения и для подготовки учителей "украинских" учителей для русских школ. (стр. 119).

"В самой Чехии были учреждены высшие украинские учебные заведения... в которых, между прочим, преподавали бывшие агенты немецкого генерального штаба, занимавшиеся во время войны (Первой Мировой) пропагандой среди военнопленных русских воинов... Главный руководитель украинизации на Карпатской Руси — Иван Панкевич, родом из Галичины... был выпущен чешским правительством из Вены, сразу после войны, где он был прежде учителем украинского языка в австрийском Терезиануме и военной академии, а также состоял домашним учителем... в доме убитого эрц-герцога Франца Фердинанда". (стр. 117).

"На Карпатской Руси искусственная украинизация начала проводиться после присоединения ее к Чехословацкой республике насильственными мерами чехословацкого правительства..." (стр. 116).

"Дабы дискредитировать русскую школу... чешское правительство с самого начала пыталось искусственными мерами насадить у нас сепаратистическое украинское движение... Чешское правительство импортировало украинских сепаратистов из Польши, Австрии и даже Германии". (стр. 81).

"... В одно воскресенье, во время богослужения, появились чешские жандармы, вошли в церковь и приказали всем выйти... жандармы вошли

через царские ворота внутрь, схватили священника за ризы и выволокли его на улицу. Затем начали бить прикладами народ... одного из прихожан, по фамилии Марфина... ранили тяжело штыком, так что он, лежа на земле перед церковью, умер..." (стр. 62).

"После образования Чехословацкой республики, в Праге было собрано учредительное собрание, члены которого были назначены чехословацким правительством..." (стр. 57). "Вскоре после основания Чехословацкой республики и воцарения в Праге Масарика, чешский писатель Ярослав Гильберт, ученик Масарика и близкий ему человек, опубликовал статью, которая появилась в нескольких чешских газетах в Праге под заглавием "Мы и русские". В этой статье он сказал: "Русский народ — это низшая полутатарская раса, неспособная к высшей культуре..." (стр. 93). "Сам президент Масарик и его правая рука Бенеш не придерживались никакого вероисповедания. Они были атеисты". (стр. 67). "Ко-

роль (Югославии) Александр, говоря о Масарике, называл его не иначе, "как тот старый лгун" (по-сербски: "тај стари лажов"). А. Пашич (премьер-министр Югославии) называл Масарика просто "свиньей"..." (стр. 65).

"Жорж Клемансо... и Ллойд Джорж... запросили американского президента Вудро Вильсона... намерен ли он продолжать помощь белым вместе с Англией и Францией, на что Вильсон ответил, что его решение будет зависеть от президента Чехословакии Масарика, чьи советы в отношении России он всегда принимал. Его окончательным решением было: ни одного доллара, ни ружья, ничего другого для войск, сражающихся против советского правительства". (Из книги "Мое посольство в Советской России", французского посла в Москве Жозефа Нуланса, 1917-1919). Далее последовала выдача Верховного Правителя России адмирала Колчака генералом Жаненом (несомненно с согласия президента Масарика) и чешским генералом Сыровым, боль-

шевикам в Иркутске, в обмен "на одну треть из 650 миллионов золота Российской Казны, хранимой адмиралом" и захваченной чехословаками 2 февраля 1920 года..." (стр. 114).

"... Первый чехословацкий "парламент", члены которого не были избраны народом, а назначены чехословацкими партиями, единогласно избрал Масарика президентом по той причине, что он был единственным чешским членом австрийского парламента, которому была дана возможность в самом начале Первой Мировой войны съездить несколько раз за границу... Он пользовался доверием австрийского правительства и делал ему доклады о том, что он видел и слышал за границей о воюющих с Австрией государствах... Его газета "Час" была не только явно австрофильской... но и противорусской... и против русских вообще, свое презрение к которым он не скрывал... Изменил он Австрии только во время своей третьей поездки за границу, когда усумнился в том, что Австрия выиграет войну..." (стр. 98,99). "В

Чехии, конечно, все патриотически настроенные чехи были рады, что даже Масарик изменил Австрии. У них в Праге, была создана тайная организация "Мафия"... она-то и отправила Бенеша за границу, со своими инструкциями Масарику. Бенеш, так же как и Масарик, и, пожалуй, в еще большей степени, пользовался доверием австрийского правительства... Он написал во Франции... в городе Гренобле, назадолго до войны, докторскую диссертацию на тему о прочности Австро-Венгрии... За нее Гренобльский университет присудил Бенешу докторский диплом..." (стр. 100).

Вот где один из корней тех тенденций, которые привели к 15-му марта. Но, одним австрийским корнем невозможно объяснить эту широкую антирусскую конвергенцию.

Слишком уж много резких нот прозвучало в этом зловещем аккорде. И продолжает звучать.

П. БОНДАРЕНКО

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ

О КЕННЕДИ И НИКСОНЕ

В 1985 году в Москве вышла книга "Братья Кеннеди"; ее автор — Анатолий Громыко, сын нынешнего советского президента.

Вот что говорится в книге: "Убийство Джона Кеннеди произошло после того, как тот попытался жесткой рукой навести порядок в Центральном разведывательном управлении, которое так подвело его в 1961 году при высадке на Кубе в заливе Кочинос.

В борьбе против Никсона объединились сразу четыре могущественных блока: бюрократия, конгресс, ЦРУ и пресса. Руководители ЦРУ опасались, что Никсон постарается установить над их деятельностью жесткий политический контроль, подобного тому, который удалось, хотя и частично, установить президенту в отношении ФБР в 1972 году, после смерти Гувера. Требуя материалы по высадке в заливе Кочинос, Никсон интересовался не только и не столько данной операцией ЦРУ, сколько документами об убийстве Кеннеди. Чиновничья верхушка органов исполнительной власти опасалась потери теплых мест в случае осуществления Никсоном своих планов реорганизации государственного аппарата. Один из наиболее болезненных ударов со стороны федеральной бюрократии был нанесен Никсону налоговой службой, предъявившей ему иск в уклонении от уплаты налогов. Став президентом, Никсон развернул кампанию острой критики в адрес ряда ведущих органов массовой информации и пытался осуществить некоторые меры с целью ограничения их деятельности.

Все это вызвало сильное недовольство многих лидеров обеих палат конгресса, стремившихся усилить свои позиции по отношению к президентской власти. Возможность ловушки относительно "уотергейтского" дела со стороны ЦРУ подтверждает множество фактов". (стр. 385-366).

Е. Кармазин

Из редакционной почты

1. "... Очень хороша статья Бондаренко в № 1870. Сомнение только в конце — было ли чешское правительство в 1939? Это венгерское, наверно?..
2. "Статья "Миф XX века" П. Бондаренко, в № 1870, заслуживает внимания. Ее нужно сохранять, ввиду весьма ценных данных, в ней указанных. Однако, невольно возникает сомнение: неужели в официальном ватиканском органе, да еще в тексте официальной речи самого Папы, один и тот же святой князь Владимир называется двумя разными именами? Может ли быть такое? Не ошибка ли это автора статьи?.."
3. "... Прочел прекрасную статью П. Бондаренко по поводу появления в мире новой исторической личности украинского Великого Князя Владимира. Статья полна информации и вполне убедительная в своих утверждениях..."
4. "... Так что, украинцы в США не называют себя "украинскими американцами"? Если это так, то оно, в общем, правильно. Ведь не называют же себя евреи в США "еврейскими американцами", а "американскими евреями". Однако, почему тогда в США преобладает выражение "русские американцы"?.."

От Редакции: Редакция получила много откликов, как устных так и письменных, на передовицу "Миф XX века", в номере "Нашей Страны" от 31 мая с. г. Выше приведены выдержки из четырех писем в редакцию на эту тему.

На вопрос, поставленный в первой выдержке, автор дает свой ответ в передовице в этом номере.

Что касается вопроса, поставленного во второй выдержке, автор нам предоставил вырезки из № 51 еженедельника "L'Osservatore Romano", на испанском языке, от 22 декабря 1985 года, которые мы воспроизводим ниже. Первая вырезка относится к стр. 17, первой колонке, последние строчки восьмого абзаца. В переводе она гласит: "Настанет день, когда полное причастие между всеми сынами святого Владимира сможет увидеть свет". Слова "святой Владимир" подчеркнуты в вырезке нами. Вторая вырезка относится к той же странице, второй колонке, последние строчки шестого абзаца. В переводе она гласит: "Ваш славный князь Володомир, который как раз празднуется как пособник и устроитель обращения Руси во веру христианскую..." Слова "славный князь Володомир", подчеркнуты в оригинале нами. Необходимо отметить, что в передовице в № 1870, по ошибке было написано: "Но тут же, святой Владимир вдруг превращается в "славного князя Володимира" ("glorioso principe Volodimir"), когда в оригинале, как видно из публикуемых вырезок, имя святого князя написано даже через три "о", а не через два, то есть "Володомир" ("Volodomyr"). Просто, наборщик и корректор тоже не поверили в возможность такой мутации, с тремя "о", в чем они и приносят извинения автору. За ответом на вопрос, содержащийся в выдержке из четвертого письма, надо обращаться к самим "русским американцам". Редакция не в состоянии на него ответить, так как в ее среде, и среди ее ближайших сотрудников, нет американцев.

dolor, el vuestro y el mío—, vendrá un día, en el cual la comunión plena entre todos los hijos de San Vladimir podrá ver la luz.

Vuestro glorioso Príncipe Volodomyr, a quien se viene celebrando justamente como promotor y artífice de la conversión de Rus a la fe cristiana, aunque

Единственный русский иллюстрированный журнал в Зарубежье

«Наши Вести»

Выходит раз в три месяца.

41-й год издания.

Подписка 12 долларов в год.

Чеки выписывать на:

"NASHI VESTI", P. O. Box 4616, San Francisco, CA 94101, USA

Среди книг

НЕПЕРЕНОСИМАЯ ПРАВДА

Повесть В. Быкова "Альпийская баллада" (Москва, 1978) построена на вполне правдоподобной завязке: во время последней мировой войны, пользуясь воздушной атакой, с немецкого завода в предгорьях тирольских Альп убегают порознь двое рабочих: советский военнопленный и молодая итальянка-коммунистка. Встретившись случайно в горах, они продолжают странствия вместе.

Одна непонятная деталь. На деле, его персонажи между собой говорили бы ломаным немецким языком (он даже приводит образцы такового), который надолго стал, даже и после конца войны, средством общения в лагерях для перемещенных лиц, не в одной Германии, но и за ее пределами. Не желая того признать, автор прибегает к допущению, что итальянка училась на специальных курсах на родине и может кое-как объясняться по-русски.

Естественно, между беглецами завязываются дружеские отношения, и вот они уже на пороге любви; но вдруг наступает ссора. Перед лицом угрожающего голода, ободряя свою подругу, Иван говорит, что ему и дома случалось есть траву. Джулию, иностранную коммунистку, это приводит в ярость: СССР для нее рай, и утверждать, что там есть нужда и страдания, способен только изменник!

Этот вот кусочек, — столкновение двух мировоззрений, — содержащий рассказ Ивана как его отец умер с голоду, как сельского учителя, заступившегося за крестьян, отправили в концлагерь, как он сам еле выжил в годы коллективизации, является лучшим местом во всем произведении, ибо наиболее правдивым. Дальше же он, из понятного впрочем желания примириться, плетет всякую чушь о вредителях и т. п., — в которую явно и сам не верит, — оправдывая для виду советскую власть.

Кончается тем, что автор убивает Ивана, а Джулию оставляет в живых, с тем, чтобы она долгие годы спустя вспоминала о своих альпийских приключениях. Иначе, пожалуй, и нельзя было заключить повествования: подобная пара не смогла бы быть счастлива нигде; кроме разве случая, что они вернулись бы спиной к коммунизму, и избрали бы свободу. Как факт, такое, в ту драматическую эпоху, тоже иногда бывало.

Савва Юрченко

БИБЛИОГРАФИЯ

Nikolai Tolstoy. "The Minister and the Massacres" (London, 1986).

В одном детективном романе встретил я верную мысль: Человеческий труп трудно спрятать. Десятки тысяч трупов — еще труднее. Но Гарольд Макмиллан почти сумел совершить идеальное преступление: концы быды спущены в воду, бумаги перепутаны и уничтожены, свидетели ликвидированы. Не зря все же французы говорят: "Le crime ne paie pas"! Положим, в данном случае, человек, продавший душу Сатане, получил-то все, чем платит Князь Мира Сего: высшую власть, вплоть до поста премьер-министра, почетную отставку, титул лорда. Чего же больше?

Однако, совсем как у Конан Дойля и Агаты Кристи, появился на сцену талантливый и неподкупный сыщик с недюжинными способностями (от предков?) и огромным упорством: граф Николай Димитриевич Толстой, уже знакомый нам по своей книге "Victims of Yalta". Он почувствовал кровавый след; и тот безошибочно привел его ко главному виновнику чудовищной выдачи казаков в Лиенце и менее известной, но несколько не менее ужасной выдачи в лапы Тито югославских беженцев от коммунизма в лагере Виктринг: к Макмиллану и его верному подручному Тоби Лоу.

Не они одни приложили руку к преступлениям. Генералы, младшие офицеры, рядовые солдаты, — многие сделали вещи, которые ни простить, ни забыть нельзя. Однако, доля их ответственности чрезвычайно различна. Толстой следует гуманному правилу всегда толковать сомнение в пользу судимого. Ничего нельзя возразить. Но он справедливо считает, что подлинных злодеев надо обличать, уже хотя бы затем, чтобы творившие ими закулисно гадости не приписывались кому-то другому.

Fiat justitia! И вот перед нами, на 442 страницах, где почти каждое слово значительно и интересно, развертывается увлекательное следствие, поразительное по строгости и ясности мысли, неизменно опирающейся

на непреложные факты. Возвращаясь к лиенцкой трагедии, уже разобранной им в "Жертвах Ялты", автор сосредотачивает внимание на одной детали, вроде бы и второстепенной, но уже и прежде вызывавшей удивление публики: почему передали большевикам Краснова, Шкуро, Келеч-Гирея и других эмигрантов, никогда не имевших советского подданства?

Вспоминается эпизод из романа В. Георгиу "25-й час". Православного румына по ложному доносу посадили в концлагерь для евреев. Он защищает свои права, и товарищи по заключению ему говорят: "А разве с нами поступают справедливо?" — "По отношению к вам, — отвечает он — это несправедливость и жестокость; а по отношению ко мне, — еще и глупая ошибка!" То же могли сказать, да и говорили казачьи офицеры, прожившие 20 лет за границей; на что им один из их палачей, подполковник Малькольм, цинично бросил: "Покажите ваши документы Сталину!"

И неожиданно, исследование частной проблемы приводит к изумительным выводам. Почему и по чьей инициативе была нарушена законность, даже в той форме, какую западные союзники в тот момент признавали и уважали? Отчего старых эмигрантов приравнивали к советским гражданам? Вскрывается, что фельдмаршал Александер именно приказал данное разделение строго соблюдать; и даже — вообще избежать насилия!.. Более того, он хотел казаков передать в ведение Эйзенгауера, на что тот согласился, в Германию; где их судьба вообще могла сложиться иначе.

Согласие на выдачу было ему навязано Макмилланом, ссылавшимся на распоряжение Черчилля, — который на самом деле ничего не знал! Когда же решение о выдаче оказалось принятым, генералы на месте отнеслись по разному. Самый из них благородный и человечный, Муррей, спас почти всех казаков и кавказцев, находившихся в его распоряжении. Сперва он предупредил о предстоящем офицерах, и предоставил желающим возможность бежать; что многие и сделали. Потом же он и его офицеры учли права эмигрантов, — а про верили подданство так либерально,

что в конце концов в СССР поехали в основном те, кто сами хотели!

Шотландский аристократ генерал Арбутнот два раза энергично протестовал против выдачи; но потом подчинился приказу, и выполнил его со всею суровостью. Хуже всех вел себя генерал Кейтли, целиком подпавший под влияние Макмиллана и своего начальника штаба, Лоу. Этим же двум последним оправдания нет и быть не может; и нету ничего, что бы говорило в их пользу.

Мы узнаем следующее: чекисты представили именно список старых эмигрантов, которых желали получить в свою власть. Кейтли сперва решительно отказался. Но, оперируя видимо через некоего агента Смерша, энкаведисты нажали на Макмиллана, полностью вошедшего в их игру. Чтобы удовлетворить их просьбу, он приказал никакой проверки не производить, и предать Советам всех казаков. Чем закрывалась дверь для спасения для кого бы то ни было. И это — вопреки настроению большинства британских офицеров, которые не имели охоту выполнять позорную роль убийц и иуд.

Впрочем разные среди них были, как и среди солдат. Нашлись такие, кто вел себя с самым мерзким садизмом, и с казаками, и с югославами, выданными в Виктринг; книга дает описание нескольких душераздирающих сцен.

Другие вели себя иначе, доходя почти до бунта. В некоторых случаях, офицеры или унтер-офицеры прямо докладывали начальникам, что солдаты их подразделений откажутся повиноваться, если их не заменят (увы, конечно, жертвам это несколько не помогло!). Нашлись и такие, которые, посылаемые на ловлю убежавших из лагерей, старались смотреть в сторону и никого не видеть.

Любопытно, что больше всего отвращения к порученному им черному делу, проявили ирландцы (о чем свидетельствуют и другие источники), а затем валлийцы; тогда как англичане и шотландцы выказали малопохвальную дисциплинированность. Ирландский лейтенант Геннер выразился про события так: "Да смилостивится Господь над тем, кто умер, имея на совести такие распоряжения!" Противовес ему — валлиец

майор Дэвис, организатор на месте выдачи в Лиенце. К нему Толстой очень снисходителен, ссылаясь на его доверие к вышестоящим и верность долгу. Но ведь сам же Толстой указывает, что выполнение бесчеловечных приказов есть преступление; и что если за такое вешали немецких офицеров, то чем же лучше английские? И отмечает честные слова отдельных солдат, не раз произнесенные в те страшные дни: "Мы не затем воевали, чтобы делались подобные вещи!" Что до Дэвиса, он с тех пор страдает кошмарами...

Но почему, зачем так вел себя Макмиллан?! Все проводимые им post factum доводы — ложные и фальшивые; Толстой их подробно разбирает и вчистую опровергает. Никакой пользы Англии он не принес, набросив непоправимое черное пятно на ее честь. Решения его принимались им одним, и выполнялись при помощи недобросовестного подлога. Так, все казаки были им объявлены советскими подданными. Для обоснования передачи титовцам югославов в Виктринге, он их всех объявил хорватами, тогда как они являлись в большинстве словенцами и сербами; а хорватов представил как ожесточенных врагов Англии.

Ни экономические, ни политические события не мотивировали и уж никак не делали необходимыми осуществленные им кровавые мероприятия. Юридически же они были и вовсе несостоятельными. Более того, он шел на немалый риск: если бы казаки, вместо пассивного сопротивления, оказали активное, — вышел бы мировой скандал.

Очевидно, будущий премьер-министр целиком разделял чувства и мнения большевиков, или был настолько у них в руках, что готов был слепо им повиноваться. Почему именно?! Но здесь стена тайны остается непробиваемой. Макмиллан просто отказывается отвечать на вопросы. Между прочим, как раз сия тактика и принесла ему беду: его упрямое безмолвие возбудило первоначально любопытство, а там и подозрение Толстого, и из них родилась книга.

За которую скажем автору от души спасибо!

Владимир Рудинский

НА РОДИНЕ

ЗАМОРОЗИЛИ РОССИЮ

Химический анализ одной капли океанской воды позволяет узнать химический состав всего океана. Точно также, отдельные конкретные примеры действия советской системы дают нам ключ к познанию действия всей системы в целом. Советские газеты пестрят такими примерами, которые однако преподносятся как исключение из общей системы, а не как ее типичные проявления. Резкая критика этих "исключений" на страницах советской печати должна служить удержанию всей системы от неизбежного ускорения ее самоуничтожения, а также и диалектически перенести отрицание системы как таковой на отрицание некоторых ее симптомов. Но абсурдность такого подхода к действительности выражается в частности и в том, что критика и разнос симптомов не позволяют сделать диагноз самой болезни, а следовательно болезнь остается без лечения.

Так оно было во все периоды советской системы, так оно продолжает быть и сегодня. С той лишь разницей, что уже в провалах системы никак нельзя винить "пережитки",

а приходится задумываться и над провалом всей системы. К тому же, все надежды, которые когда-то у кого-то могли быть о возможном улучшении системы, давно уже израсходованы и растрочены, так что выравнивать ее порочность энтузиазмом ее строителей уже невозможно.

В "Известиях" от 29 апреля с. г. помещена заметка под заглавием "Заморозили валенки", в которой говорится о "валенках ... искать которые в зимние холода — занятие явно бесперспективное". Вот выдержки из этой заметки:

"... Впрочем, как показывает читательская почта, с таким же успехом заканчиваются поиски и в любое другое время года: валенки давно и прочно попали в разряд остродефицитных товаров. В чем же дело? С такого вопроса и началось наше знакомство с Омской фабрикой валеночной обуви... — Сколько можно так работать? Каждый день просто, потому приходится нагонять упущенное время — в спешке получается брак, — бросали рабочие резкие слова... И все же основные причины наших неурядиц — нераспорядительность, безинициативность руководителей фабрики..."

Невольно встает вопрос: значит в общих неурядицах в нашей стране тоже виноваты ее теперешние руководители?

"Причины такого положения — устаревшее оборудование... высокая текучесть кадров — до сорока процентов в год... условия в которых трудятся рабочие. Сырой запыленный воздух... Постоянное нарушение технологии приводит к тому, что значительная часть продукции возвращается на фабрику... Можно и дальше перечислять беды фабрики... Обо всем давно известно в области. Все уповают на строительство новой фабрики. Но пока она будет построена, пройдет еще не один год... В нынешнем году фабрика отмечает печальный юбилей. Тридцать лет назад впервые заговорили о необходимости ее реконструкции... Госплан РСФСР в 1978 году дал разрешение на строительство фабрики... Спустя... два года было выдано задание на ее проектирование. В прошлом году открыли, наконец, финансирование строительства... При таком отношении вместо нормативных 46 месяцев потребуется десятилетие, прежде чем будет получена первая продукция... Не надо быть пророчицей, чтобы предсказать: фабрике уготовлена судьба "долгостроя"..."

Логическое обобщение вышеописанного типичного примера в советском хозяйстве неизбежно ведет к определению самой системы как "долгостроя", за счет "замораживания" всей страны.

А. Р.

Языковые Уродства

Д Ж И Н

В № 253 "Панорамы", Г. Рыскин, в статье "Пострижение марксовой бороды", заведя речь про видного французского коммуниста (разочаровавшегося в коммунизме), Жана Элленштейна, называет его Джин.

Если, упаси Боже, сотрудник лосанжелосского еженедельника вздумает когда-нибудь писать про Руссо, тот у него наверно сделается не Жан-Жак (как был до сих пор), а Джин-Джэк.

Что уж и говорить, что испанский коммунист Гальего тут именуется Галлего! Понять, что испанское двойное l перед гласными надо по-русски передавать через ль, — на это русскоязычные журналисты в США почему-то вообще совершенно неспособны.

Аркадий Рахманов

РЕДАКЦИЯ "НАШЕЙ СТРАНЫ"
ХОЧЕТ КУПИТЬ 2 ЭКЗЕМПЛЯРА
КНИГИ И. Л. СОЛОНЕВИЧА
"ВЕЛИКАЯ ФАЛЬШИВКА ФЕВРАЛЯ".

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

О ЧЕМ РЕЧЬ?

Для того, чтобы победить Россию или оторвать от нее часть ее территории, наши милые соседи, как правило, искали не союзников, а скорее соучастников и не всегда достойных партнеров. Литва, Польша, Австро-Венгрия, потом опять, Польша, Германия — все они пригрезали врагов России, которых частично сами создали и возлелеяли.

Украинские сепаратисты, как то совершенно естественно, переходят от одних хозяев к другим, меняя свой внешний вид и поддельная свою идеологию соответственно вкусу очередного "покровителя".

В самый кратчайший срок они сумели из польских ультрашовинистов, стать правоверными национал-социалистами, а затем, после победы союзников, со скоростью хамелеона перекарасились в истинных демократов американского толка.

С этими людьми нам, русским, бесцельно спорить, теряя драгоценное время также как каждому истинно русскому патриоту, нечего с ними соприкасаться и искать связи и договора. Это яд и от него нужно быть подальше.

Недавно я видел по телевидению представителя самостийников, который огульно крыл русских и утверждал, что москали у украинцев все украли... вплоть до Петра Ильича Чайковского! Их нам не исправить!

Когда они поносят Россию, нужно отбивать их удары и наносить контрудары. Но есть случаи, когда наше вмешательство не нужно.

По сообщению газеты "Русская Жизнь", украинцы хотят воздвигнуть памятник "Великому Владимиру Украинскому". Ну и Слава Богу! Он им принадлежит тоже, поскольку они славяне и православные. В этом случае, право, нечего протестовать.

Ведь это мы прозевали — стать первыми в США в почине постройки памятника. Давайте добьемся от Конгресса США разрешения на установку второго памятника Святому Равноапостольному Князю Владимиру Красное Солнышко — Крестителю Руси, а украинцев оставим вариться в их собственном соку.

В Буэнос Айресе, по почину советской патриархии и, очевидно, посольства одну улицу и одну площадь назвали именем Св. Владимира. Стоит нам протестовать?

Дело другое если бы назвали именем Владимира Ильича... Но очень хорошо, что к 1000-летию Крещения Руси, в Буэнос Айресе будет улица и площадь названные в честь святого Владимира.

В титуле любого русского императора мы читаем. "Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский и прочая". Так вот, если какому-нибудь из украинцев вдруг вздумается поставить памятник любому нашему русскому царю с надписью: Император и Самодержец Киевский или даже Украинский — пусть ставит и пусть радуется. (Думаю, что самым подходящим для них был бы имп. Петр Великий)

Мы же лучше вместо протестов создадим свой собственный престиж

у иностранцев, будь то американцы или другие, и не будем опускаться до уровня самостийных наймитов.

Г. Л. Лукин (Аргентина)

От Редакции: Согласно бюллетеню Конгресса Русских Американцев "С. R. A. News" № 52 "Резолюция № 494 о сооружении памятника "украинскому князю Володимиру", изменена в канцелярии конгрессмена Кемпа, представившего ее".

НЕЗАКОНОМЕРНЫЕ СРАВНЕНИЯ

Позволю себе указать на некоторую нелогичность рассуждений Н. Нефедова в его письме в редакцию в "Нашей Стране" № 1871.

Генерал де Голль был французский патриот, и вовсе не желал отделения Алжира; но не мог ничего сделать: в результате многолетнего плохого правления (французские колонисты находились в привилегированном положении и занимали все посты в администрации, вплоть до самых низших, и т. п.), арабы в массе жаждали независимости. Ничего подобного у нас нет (а если все недовольны советским режимом, это дело совершенно иное).

Тем более неверно ссылаться на Франко, уступившего испанские территории в Марокко марокканскому королю. Это — пример соглашения между двумя государствами об изменении границ; вроде как если бы Польша уступила Литве Вильну.

Между тем, ведь никакого востания в нашей Средней Азии не происходит, и никакая держава не предъявляет на данные земли требований, законных или хотя бы незаконных. Для чего же нам заскакивать вперед, и самим толкать туркмен или узбеков на отделение; да еще и в той обидной форме, что нам де они не нужны, и мы де недовольны, зачем они размножаются (!)?

Г-н Нефедов считает, будто сие нужно для сохранения Россией русского лица. Осмелюсь заметить, что оно явилось бы, наоборот, потерей лица передо всеми азиатскими (да и европейскими, и заокеанскими) государствами; свидетельством нашей трусости и растерянности. Правительство, которое предприняло бы подобный шаг, навек покрыло бы себя позором.

А что, по мнению Нефедова, люди, добивающиеся отторжения от России Туркестана, не суть расчленители Российской Империи, это уже и вовсе казуистика, на манер присяжных у А. К. Толстого:

Хоть убил, говорят, не виновен ни в чем!

Г. Криваго (Италия)

ЗА ЕДИНСТВО РОССИИ

Если Н. Нефедов цитирует (№ 1871) мнение расчлениителей России для информации, а сам с ним не согласен, то нам и спорить не о чем. Но ведь он его приводил с явным сочувствием; да и сейчас защищает! Доводы же его — натянутые и неубе-

дительные, из числа тех, какие нам подсовывают наши самые лютые враги на Западе; которые хотят вновь свести Россию к пределам Княжества Московского (хотя, впрочем, и оно было многоплеменным, как и Русь изначала) Но мы за эти пределы вышли и создали великую Российскую Империю, где жило (и живет) 120 или больше народов. Ничего плохого нет, если половина будет не русскими; все жители нашей Империи суть россияне, а веру и язык имеют право сохранять свои. Что за чушь, что Россия может утратить русскость! Этот страх подсказан условиями эмигрантского существования. А равенство всех племен внутри государства — законно и необходимо. Для меня же Ашхабад и Чикишляр, где прошло мое детство, — такая же Россия, как и Тамбов или Калуга.

Примеры, привлекаемые моим почтеннейшим оппонентом неудачны. Признать независимость Польши было решено царским правительством. Присоединение ее вообще явилось нашим несчастьем. Впрочем, имп. Александр Первый мечтал ее восстановить и расширить. Что до Финляндии, она с нами была связана личной унией: которая отпала со свержением монархии. Отделение балтийских стран было юридически менее законным, но вполне понятным, являясь бегством из горящего дома. Пыталась отделиться и Средняя Азия, что выразилось в героическом движении басмачей (даже и не антирусском: в нем принимали участие русские казаки).

Но сепаратисты, на коих ссылается г-н Нефедов, желают отделения Туркестана не от коммунизма, а именно от будущей освобожденной России, что есть национальная измена и худшее предательство. И против подобных губительных, разрушительных и самоубийственных устремлений я никогда не перестану протестовать, до моего последнего вздоха! Насчет же презрения моего противника к азиатам, напомним, что Россия есть по своей природе Евразия, где европейское сливается с азиатским, причем одно дополняет другое (но мне, признаться, азиатское дороже и ближе: что хорошего видали мы на Западе?).

Е. Веденеева (Бельгия)

НЕПРАВОЕ ГОНЕНИЕ

Никогда еще я не сталкивался с таким обидным и жестоким проявлением шовинизма как письмо г-на Нефедова в № 1871 "Нашей Страны"!

Российская Империя всех инородцев признавало за равноправных граждан; и даже большевики тоже. Они преследовали мусульман за веру; но и православных также. Только в проклятые послевоенные годы Сталин, опьянев от крови, затеял депортацию татар из Крыма, чеченцев с Кавказа, немцев из Поволжья и т. п. Но и он их не выгнал за пределы страны. И вот появляется Н. Нефедов, и декларирует, что мы России не нужны и нас из нее надо выбросить!..

По какому праву?! Оттого, что он чистый великоросс (если так; а если нет — и вовсе странно...)? Но что же это за право? В старой России инородцы бывали генералами и министрами, составляли царский конвой, сражались во всех войнах, включая и гражданскую на стороне белых, — и вдруг все это должно пойти на смарку?! Для чего же тогда веками лилась русская (и наша) кровь? Для чего завоевывались Казань, Крым, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь? Чтобы теперь выкинуть нас за дверь, по капризу обезумевших крайних националистов?

И в каких же это границах Нефедов мыслит себе "чисто-русскую" Россию? В рамках Московской Области? И он думает, что подобное государство сможет существовать?

И что это за русскость, за которую он ратует? Без творений Пушкина и Лермонтова о Кавказе, А. Толстого и Бенедиктова о Крыме, без стихов Гумилева о Средней Азии?

Тут же он отрицает право Войновича считать себя русским писателем, ибо у него де не русская кровь. Войнович пишет политически скверные вещи; но никто же не оспаривает права на звание русского писателя у Чернышевского и у Горького, которые были еще вреднее и хуже. А если начать применять в России гитлеровские принципы расовой чистоты, то придется отказаться от африканца Пушкина, от шотландца Лермонтова, от евреев Надсона и Мандельштама, да пожалуй и от Державина, происшедшего от татарского мурзы и тем гордившегося!

Г. Садыкбаев (Канада)

От Редакции: Публикацией вышеприведенных писем мы закрываем полемику на данную тему.

НЕ СОВСЕМ ТО...

Прочла свое письмо в № 1871 "Нашей Страны" — и удивилась. Я писала, что советские артисты (особенно молодежь) любят играть роль врангелевца или деникинца. А напечатано — Деникина!

Но: я в СССР никогда не видала фильма или пьесы, где фигурировал бы Деникин. Может быть, такие и есть; я про них не слыхала. Но — сомневаюсь: что если бы публика при его появлении на сцену опять-таки стала аплодировать?

Простите, что беспокою Вас вроде бы из-за пустяка: ошибка получилась, право, весьма досадная!

Ф. Винберг (Франция)

О П Е Ч А Т К А

В рецензии В. Рудинского на книгу Г. Свицкого "Прорыв" ("Н. С." № 1870), последний абзац следует читать так:

"Зато одобрим, что Свицкий пишет всюду Черновицы (единственная форма, которая стояла на всех картах и во всех курсах географии царского времени), вместо опустылевшего Черновцы, которым нас пичкают теперь советские источники" (а не "историки").